

Вэй Чэн спускался от своей соломенной хижины, ведя Горшочка за руку. Сельская дорога пестрела нарядно одетыми людьми: мужчины и женщины в чистых одеждах с улыбками на лицах шли поздравлять соседей. Почти каждый ребенок, наряженный в лучшее новое платье, которое обычно берегли на самом дне сундука, крепко сжимал в ладошках пригоршни сладостей и сухофруктов.

Малыш то и дело поглядывал на чужие гостинцы своими черными глазками, но тут же отворачивался и легонько потянул брата за руку:

— Братик, Горшочек вовсе... вовсе не хочет вкусного.

Юноша с улыбкой погладил его по голове:

— Умница мой. Вот заживет язвочка во рту, и наедемся всласть.

Еще дома он не выдержал и дал брату кусочек абрикосовой пастилы, но едва малыш отправил лакомство в рот, как тут же выплюнул его. Кисло-сладкий сок заставил язвочку нестерпимо ныть; крупные слезы градом покатались по бледным щекам Горшочка, и с тех пор он больше не выпрашивал сладостей, как бы жалко ни выглядел.

Первым делом они зашли к Травнику Ци. Едва приблизившись к ограде, они увидели Мо-фулана: он, прижимая к себе Братца Хуаня, умывал руки у колодца. Заметив гостей, мужчина просиял:

— Ой, Чэн-эр и Горшочек пришли!

Вэй Чэн поспешно сложил руки в приветствии:

— А-шу, с Новым годом!

Ребенок послушно повторил жест:

— А-шу, с Новым годом!

— С Новым годом, с Новым годом! — отозвался Мо-фулан, вытирая руки полотенцем. Он легонько подтолкнул сына в плечо: — Хуань-эр, поздравь братика Вэй Чэна.

Братец Хуань был ребенком тихим и застенчивым. Тонким голоском он поздравил старшего, а затем подошел к Горшочку. Ему очень хотелось потрогать пухлую щечку малыша, но он так и

не решился.

— Малыш, а ты должен меня поздравить!

Горшочек, не отходя от ноги брата, нежно пролепетал:

— Братец Хуань, с Новым годом!

— Какой хороший!

Хуаню было всего семь лет, но он, подражая взрослым, важно достал из поясного мешочка несколько кусочков абрикосовой пастилы и протянул другу:

— На, угощайся.

Малыш шмыгнул носом и, преодолевая искушение, покачал головой:

— Горшочек... не может это кушать.

— Это еще почему? — удивился Хуань-эр.

Мальчик указал на абрикос и, забавно нахмутив бровь, с обидой проговорил:

— Он кусает... кусает Горшочка за ротик!

— А? Абрикосовая пастила умеет кусаться? — Братец Хуань в изумлении уставился на отца.

Мо-фулан со смехом подошел к ним:

— Что же это с ребенком приключилось, что он даже от абрикосовой пастилы отказывается?

— Не знаю точно: то ли от печи перегрелся, то ли сладостей переел. Вчера еще всё было в порядке, а сегодня утром на щеке изнутри вскочило белое пятнышко. Теперь любая еда причиняет ему боль, — Вэй Чэн с сочувствием погладил брата по голове.

В этот момент из дома вышел Травник Ци, поправляя ворот халата.

— Ну-ка, давайте посмотрю. Негоже ребенку в такой праздник без угощений оставаться.

Он осторожно приоткрыл рот ребенка и, лишь мельком взглянув, заключил:

— Ничего страшного. Обычный избыток «жара». Пару дней присыпем лекарством — и всё пройдет.

— Я сейчас принесу, — отозвался Мо-фулан.

Лекарство было завернуто в бумажный сверток — серовато-белый порошок, пахнувший не горечью, а приятной прохладой. Травник Ци сам нанес его на язвочку. Мальчик стоял смирно, не шевелясь: видно, понимал, что без лечения ему еще долго не видать конфет.

Когда процедура закончилась, юноша участливо спросил:

— Больно?

Горшочек с покрасневшими глазами покачал головой.

— Сначала, конечно, пощиплет немного, — лекарь отряхнул ладони. — Как порошок растворится, боль уйдет.

Пока они разговаривали, Мо-фулан вынес из дома небольшой матерчатый мешочек.

— Чэн-эр, это вам двоим «деньги на удачу». Тут совсем немного, так что даже не вздумай отказываться.

У Вэй Чэна потеплело на душе. С тех пор как умер его отец, никто больше не дарил ему новогодних монет. Он не стал церемониться и спорить, а, сказав несколько добрых пожеланий, с благодарностью принял подарок.

Семья Травника Ци тоже собиралась к старосте, и они решили пойти вместе. По дороге им то и дело попадались односельчане, направлявшиеся туда же. Вэй Чэн с братом за руку шел чуть позади. Он ловил на себе косые взгляды: люди то и дело оборачивались, разглядывая меховой воротник на шее ребенка, и принимались шушукаться, наверняка сочиняя очередные сплетни.

— Братик, они все смотрят... смотрят на Горшочка, — прошептал малыш, пытаясь спрятаться за спину юноши.

— Не бойся.

Он подхватил брата на руки, закрывая его лицо от любопытных глаз.

— Поздравим дядюшку-старосту, встретимся с Доумяо и его родителями — и сразу домой, ладно?

Тот обхватил его за шею маленькими ручками:

— Угу!

В доме старосты было не протолкнуться. Казалось, вся деревня пришла засвидетельствовать почтение старейшинам семьи Ли. И дело было не только в должности Ли Маодэ. Деревня Маоси когда-то принадлежала исключительно клану Ли, а остальные семьи были беженцами, которых в разные годы приютили старейшины рода. Несмотря на то что со временем пришлых стало больше, все помнили о доброте Ли и в Новый год первым делом шли кланяться их главе.

— Брат Чэн!

Юноша обернулся и увидел Доумяо в новеньком темно-синем халате. Мальчишка так и сиял:

— Я знал, что ты скоро придешь! Поздравил дядюшку-старосту и сразу на крыльцо — тебя поджидать.

— Я тоже прикинул, что вы с родителями уже здесь. Мы встретили Травника Ци и пошли сразу сюда, не заходя к вам.

Дети обменялись поздравлениями. Доумяо приподнялся на цыпочки, заглядывая Горшочку в лицо. Тот сидел на руках у брата совсем притихший.

— Что с малюткой?

— Ротик разболелся, — объяснил Вэй Чэн. — Травник Ци только что смазал язвочку лекарством.

— Ох, бедняга! Пусть скорее заживает, а то как же мясо кушать? — Доумяо снова выглянул в сторону зала. — Брат Чэн, иди скорее, сейчас у Ли Маодэ и старейшин как раз народу поменьше. А я побегу домой, как закончите — приходите к нам играть.

— Хорошо, иди.

Вэй Чэн, пробираясь сквозь толпу, вошел в просторный главный зал. Там он увидел Вэй Чжи и Вэй Тяня: они как раз отвешивали земные поклоны двоим седовласым старикам на почетных местах. Похоже, здесь собрались все Вэй, кроме семьи третьего дяди.

Ли-дае указал на Вэй Чжи и повернулся к стоящему рядом старосте:

— Это и есть тот самый малец, что так искусен в науках?

Ли Маодэ кивнул:

— Он самый. У нас в деревне мало кто учится, разве что еще сын семьи Фан — тот тоже в городе грамоту постигает.

Услышав это, матушка Фан легонько подтолкнула сына вперед, сияя от гордости:

— Ну же, поклонись дедушке, поздравь с праздником!

Фан Вэнь поспешно опустился на колени и выдал складное четверостишие. Ли-дае, довольно улыбаясь, достал два мешочка и вручил их Фан Вэню и Вэй Чжи:

— Хорошие дети, старательные. Пусть эти монеты пойдут на кисти и бумагу. Учитесь прилежно, пусть и в нашей деревне Маоси вырастет настоящий ученый муж, на радость всем нам!

Фан Вэнь просиял:

— Спасибо, дедушка!

Вэй Чжи лишь поджал губы. Он молча принял подарок и отошел в сторону, не проронив ни слова. Стоявший рядом Вэй Тянь провожал мешочек в руках брата полным зависти взглядом.

Деревенские, пришедшие с детьми, лишь досадливо вздыхали, глядя на своих чад: мол, не умеют они так ладно говорить. Ли-дае сегодня одарил лишь двоих — «книжного червя» Вэй Чжи и бойкого Фан Вэня. А судя по тому, как оттягивали руку мешочки, монет там было немало!

Староста окинул взглядом толпу и улыбнулся:

— А вот и Чэн-эр пришел.

Вэй Чэн подошел ближе, ведя Горшочка за руку. Сначала он поприветствовал Ли Маодэ и жену старосты, а затем вместе с братом совершил глубокий поклон Ли-дае и Ли-лаофужэнь.

Ли-дае еще не успел и слова сказать, как Ли Маодэ пояснил:

— Вы редко выходите из дому, почтенный, и можете не знать. Этот юноша — единственный сын охотника Вэй Даньена. Отца он потерял, мать ушла в другую семью, и тогда... — он покосился на стоявших неподалеку Вэев, которые тут же отвели глаза. Не желая портить праздник попреками, староста продолжил: — Перед самым Новым годом он подобрал в лесу брошенного кроху. Теперь они вдвоем живут в старой хижине покойного Ван-лаоханя. Чэн-эр каждый день рубит дрова и возит их в город. Хотя и живут они бедно, парень он честный, работающий и с крепким стержнем.

Старик Ли понимающе закивал. Глаза его были еще остры, а слух — чуток, и он прекрасно понимал, какие отношения связывают Вэй Чэна с его родней. Вздохнув, он произнес:

— Добрый малый.

Он взял со стола два мешочка и протянул их юноше:

— Вы оба еще растете, пусть эти деньги пойдут вам на добрую еду. Пока руки не ленивы, а в теле есть сила — любая жизнь на лад пойдет.

— Я запомню ваши слова. Спасибо за заботу, дедушка.

Вэй Чэн уже потянулся за подарком, как вдруг из толпы донесся язвительный смешок:

— Неужто воры теперь в чести?

Ли Маодэ помрачнел:

— Кто это там мелет чепуху?!

Вэй Тянь, не скрывая злобы, выкрикнул:

— Я не вру! Вэй Чэн — вор!

— Да-да, я тоже сегодня слышала, что он ворует...

— Матушка Фан вроде обмолвилась...

— А я от старухи Вэй слышала...

Ли-даеэ замер, не выпуская мешочка из рук. Он нахмурился, переводя взгляд с юноши на старосту:

— Что здесь происходит?

Вэй Тянь сделал шаг вперед:

— Дедушка, вы только посмотрите на мех на шее этого мальчишки! Это же настоящий дорогой мех. Вэй Чэн только и делает, что дрова в город возит, да все знают, что продает он их за гроши. Откуда у него деньги на такую роскошь?!

Вэй Чэн не успел раскрыть рта, как Горшочек, гневно сощурившись, заслонил брата собой:

— Это бабушка! Бабушка дала Горшочку!

— Бабушка дала? — Вэй Линьлан картинно коснулась своего воротника, словно невзначай. — Малыш, такие меха носят только в богатых домах. С чего бы знатной даме в такой мороз отдавать дорогую вещь первому встречному, который ей никто?

Старуха Вэй тут же подхватила:

— То-то я гляжу, у меня монеты пропадать стали! Видно, чьи-то ловкие пальцы до них добрались.

— Все говорят, бедно он живет, а по мне — так лучше всех устроился.

Фан Вэнь решил подлить масла в огонь:

— Мы с матушкой ходили за подарком для учителя и видели, как Вэй Чэн покупал сладости. Кошелек у него был полон денег, да и расшит он был совсем не по-мужски. Уж не украл ли он его?

Затем он повернулся к старосте:

— Дядюшка Ли Маодэ, неужто вы сами не заметили? Помните, на свадьбе Братца Саньлана Вэй Чэн принес вам два кувшина отличного вина. Неужели у вас не возникло подозрений, откуда у него такие деньги?

Ли Маодэ холодно отрезал:

— Чэн-эр заложил замок долголетия, оставленный отцом. Об этом знает вся деревня.

Фан Вэнь вжал голову в плечи, но не унимался:

— За какой такой замок можно купить такие меха? Откуда еще у него серебро?

— На замок долголетия меха и правда не купишь. Этот воротник действительно подарила моему брату одна почтенная госпожа, — Вэй Чэн спокойно, почти с улыбкой, обвел взглядом своих обвинителей. — И у меня есть деньги не только на сладости. Весной я собираюсь купить в нашей деревне землю, а еще я намерен пойти учиться в Частную школу Хуэйлинь в городе.

Стоило прозвучать названию школы, как не только Фан Вэнь, но и вечно безучастный Вэй Чжи вскинул голову.

— Лжец! Как ты можешь попасть в Хуэйлинь! — Фан Вэнь дрожал от злости и страха. Он злился на спокойствие юноши и до смерти боялся, что тот говорит правду.

Вэй Чэн уже хотел достать из-за пазухи деревянную дощечку, данную ему семьей Ли, как вдруг в зале послышались торопливые шаги.

— Отец! Отец!

Ли Саньлан вбежал в дом, задыхаясь от быстрого бега:

— Там... там из управы приехали! Говорят, им нужен Чэн-эр...

Толпа зашумела. Самым важным чином, которого видели крестьяне, был староста, а люди из управы уездного судьи были для них словно небожители.

Вэй Тянь торжествующе оскалился, тыча пальцем в юношу:

— Ну что, доврался?! Стража пришла тебя арестовать!

Ли Маодэ взглянул на спокойного Вэй Чэна, затем на сына:

— Ты узнал, по какому делу?!

— Да не арестовывать... — Ли Саньлан наконец перевел дух. Смешивая восторг и волнение, он выкрикнул: — Они привезли награду от господина судьи за поимку разбойников!

— Что?!